

Петровская Оксана Васильевна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований РИСИ.

Этнические сообщества Северной столицы: взгляд историка из Польши¹

За годы, прошедшие после падения социализма и распада СССР, о советской национальной политике было написано немало как российскими, так и зарубежными историками. Предлагаемая вниманию читателя книга "Советская национальная политика в 1917–1941 гг. на примере Петрограда-Ленинграда", вышедшая в Познани в 2011 г., – свидетельство того, что интерес к истории межнациональных отношений в России не угасает даже в ставшей частью объединённой Европы Польше.

Автор книги – познаньский историк Бартломей Гарчик, ученик профессора Артура Кияса, известного своими работами по истории восточных славян, России и СССР. Монография написана на основе докторской диссертации автора, защищённой в 2008 г.

Для польской историографии эта тематика относительно нова. Для российской же исторической науки она представляет интерес как взгляд на проблему со стороны, а также как попытка проанализировать не только национальную политику в широком историческом контексте, но и показать динамику развития этнокультурной самобытности различных народов, населяющих второй по значимости город России. Труд Б. Гарчика выделяется своеобразием методологического подхода, состоящего в синтезе культурологического и этнополитического направлений анализа. Помимо этого работу отличает стремление к объективности, во всяком случае, автор явно не разделяет некоторых довольно предвзятых положений, утвердившихся в польской историографии в отношении российской истории.

Книга состоит из двух частей, отражающих два разных хронологических периода.

Первая часть – "Многонациональный Петербург. Генезис полиэтнического и поликонфессионального характера города (1703–1917)" – представляет собой экскурс в историю появления в Петербурге различных этнических групп с их культурными и религиозными традициями и анализ развития национальной политики Российской империи. Судя по названию книги, эта её часть, по всей видимости, является вступлением, хотя и занимает треть монографии, а проведённый в ней анализ отличается

* petrovskaja@yandex.ru.

¹ Рецензия на книгу: *Garczyk B. Radziecka polityka narodowościowa w latach 1917–1941 na przykładzie Piotrogradu-Leningradu* / Bartłomiej Garczyk. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2011. 318 s.

глубиной и скрупулёзностью. Тем самым, во-первых, существенно расширяются хронологические рамки исследования, нижняя граница которых определяется временем основания Петербурга (1703 г.), а во-вторых, читателю предоставляется возможность сравнить характерные черты национальной политики царского и советского периодов на локальном пространстве Петербург-Петроград-Ленинград.

Вторая, основная часть – "Национальная политика в Петрограде-Ленинграде в 1917–1941 гг." – по сути, повторяет название монографии. В ней прослеживаются эволюция национальной политики большевиков и специфика культурного развития наиболее крупных национальных меньшинств в советском Ленинграде в различные периоды существования СССР. Однако число анализируемых этнических групп по сравнению с первой частью значительно меньше.

Внутреннее содержание частей книги построено по проблемному принципу. Автор исследует динамику численности этнических групп города, национальную политику государства в целом и её локальные особенности в Петербурге-Ленинграде-Петрограде, а также положение отдельных народов, их религиозную жизнь.

Исследование опирается на широкий круг российских, польских и западных источников. Среди них материалы двух архивов (Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга), опубликованные сборники документов, труды В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросам формирования большевистской национальной и религиозной политики, а также многочисленные мемуары.

Анализируя национальную политику царской России, автор поддерживает тезис польского учёного М. Вальденберга о том, что она была дифференцированной и строилась в зависимости от уровня экономического и культурного развития конкретной этнической группы, а также от этапа формирования её национальной идентичности и социальной структуры. Как показывает автор, для имперской национальной политики были характерны изменчивость, гибкость и прагматизм. Наиболее националистической Б. Гарчик считает политику премьер-министра П. А. Столыпина и в качестве доказательства приводит данные о сокращении числа представителей национальных меньшинств в Государственной думе в период его премьерства. Автор полагает, что национальная политика царского правительства была толерантной в отношении культурного развития этносов, проживавших в Петербурге, а также отличалась веротерпимостью.

По мнению Б. Гарчика, культурная жизнь этнических групп Петербурга имела богатые традиции и была многообразной. Всего, как отмечает автор, к 1917 г. в Петербурге проживало 50 национальных меньшинств², которые имели свои школы, библиотеки, читальные залы, клубы, газеты, места для отправления религиозных культов. Действовали спортивные, благотворительные и другие организации. Согласно статистике наиболее крупные диаспоры в дореволюционном Петербурге составляли белорусы (3,7 %), поляки (3,4 %) и немцы (2,5 %)³. В Петербургской губернии

² *Garczyk B.* Op. cit. S. 36.

³ *Ibid.* S. 26.

12,9 % населения составляли финны и 6,1 % – эстонцы⁴. Однако в монографии подробно рассказывается лишь о положении немцев, финнов, поляков, евреев и татар в XVIII – начале XX вв., хотя автор и указывает, что сам город сыграл значительную роль в развитии национального самосознания эстонцев, латышей и белорусов⁵.

В первой части книги Б. Гарчик не только приводит статистические данные о демографическом, социальном и профессиональном положении пяти этнических групп, но и показывает культурные и религиозные особенности их жизни, отношение к ним русского населения Петербурга, а также вклад наиболее выдающихся представителей национальных меньшинств в сохранение и развитие своей культурно-религиозной самобытности.

Во второй части книги, посвящённой советской национальной политике в Петрограде-Ленинграде, отражены изменения, произошедшие в жизни национальных меньшинств города после 1917 г., и причины, их обусловившие.

Автор уделяет много внимания характеристике национальной политики большевиков. По его убеждению, Ленин совсем не хотел "отпускать" из состава большевистской России Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, Польшу, Украину и Закавказье, но у большевиков не было возможности силой удерживать эти российские губернии. В 1920 г. большевики под предлогом "экспорта революции" попытались вернуть Польшу, но потерпели неудачу. Однако к 1941 г. Сталину удалось практически восстановить границы империи (за исключением Финляндии и Польши).

Анализируя теоретические построения В. И. Ленина по национальному вопросу, Б. Гарчик приходит к выводу, что идеи культурно-национальной автономии полностью противоречили его интернациональным убеждениям⁶. Однако вождь большевиков отдавал себе отчёт в том, что удержание власти в тот момент требовало уступок и компромиссов в национальной сфере⁷. Б. Гарчик придерживается утвердившегося в польской науке представления о фиктивном и декларативном характере провозглашённого Конституцией СССР 1924 г. федерализма, который был лишь переходной формой к унитаризму.

Достаточно подробно в монографии проанализированы документы XII съезда ВКП(б) 1923 г., провозгласившего политику коренизации, посредством которой большевики стремились, с одной стороны, предоставить этносам, населяющим страну, автономию и условия для ускоренного развития их национальных культур, а с другой – внедрить в массы идеологию большевизма, искоренить вольнодумие и инакомыслие руками представителей власти, принадлежащих к коренной национальности. Иначе говоря, национальная политика большевиков являлась частью их культурной политики, поэтому культурное развитие могло происходить только в строго ограниченных идеологических рамках. Проблема обучения в школах на родном языке, по мнению автора, интересовала

⁴ *Garczyk B.* Op. cit. S. 29.

⁵ *Ibid.* S. 65–68.

⁶ *Ibid.* S. 93.

⁷ *Ibid.* S. 95.

большевиков постольку, поскольку населению национальных окраин трудно было воспринимать большевистскую пропаганду и идеологию на малознакомом им русском.

Автор подчёркивает связь национальной политики советского государства с его внешней политикой. Так, негативное отношение к польской диаспоре было следствием польско-советской войны 1920 г. и подписания Рижского мира в 1921 г., а также определялось и недружелюбными польско-советскими отношениями в межвоенное время в целом. Периоды сотрудничества и вражды с Германией прямо отражались и на отношении к немецкому этносу. Кроме того, национальную политику в тот или иной период определяло личное расположение (или неприязнь) Сталина к тому или иному народу⁸.

Характеризуя национальную политику в Ленинграде и Ленинградской области, которая в целом отвечала задачам национального развития в масштабах всей страны, Б. Гарчик выделяет в её развитии два периода.

Первый этап (1917 г. – первая половина 30-х гг.) автор характеризует как невиданное оживление культурной жизни диаспор Петрограда. В частности, в 1918 г. здесь было 14 национальных начальных школ, а в 1920 г. – уже 29, в том числе 9 польских, 5 еврейских, по 3 финских, эстонских и татарских. Общая численность учащихся в них составляла 3806 человек⁹. Эстонцы и евреи имели собственные высшие учебные заведения: Петроградский пролетарский эстонский университет (1919–1923 гг.) и Петроградский еврейский университет (1919–1925 гг.). Плата за обучение была символической, а дети из малоимущих семей от неё освобождались. Для финнов и эстонцев город продолжал оставаться ещё и центром издательского дела.

Вместе с тем вопрос о причинах столь бурного развития национальных культурных институтов разного уровня и направленности сразу после революции остаётся в монографии открытым. Политика коренизации, которой автор уделяет основное внимание, такой причиной быть не могла, так как она начала проводиться лишь с 1923 г. и привела на практике не к увеличению, а к сокращению школ (до 15 в 1923/24 уч. г.). Тезис же Р. Пайпса о том, что советские достижения в борьбе с неграмотностью были продолжением процесса, начавшегося задолго до 1917 г., Б. Гарчик отвергает, поскольку до революции основным языком обучения был русский¹⁰. Он считает, что продолжение традиции толерантного отношения к иноземцам для большевиков имело агитационно-пропагандистское значение, но не связывает это напрямую с возникновением новых культурно-образовательных учреждений.

Польский историк пытается выявить как положительные, так и отрицательные последствия политики государственной поддержки национальностей. К позитивным явлениям Б. Гарчик относит полную ответственность государства за культурно-просветительную политику, её финансирование, кадровую и научную базы. К негативным – тотальный

⁸ *Garczyk B.* Op. cit. S. 99.

⁹ *Ibid.* S. 109.

¹⁰ *Ibid.* S. 106.

контроль над процессом формирования культурно-просветительной политики, навязывание обществу единой коммунистической идеологии¹¹. Автор подробно описывает систему органов управления национальными учреждениями в Ленинграде. Он утверждает, что в условиях начавшейся в 20-е гг. XX в. этатизации всех сфер жизнедеятельности общества любая самостоятельность национальных сообществ была неуместна советской власти. Был взят курс на постепенную ликвидацию всех независимых общественных организаций. В первую очередь пострадали еврейские, польские и немецкие общественные объединения, а затем и все остальные. Сохранились лишь те организации, которые полностью контролировались властью, в частности Польский дом просвещения, основанный в 1926 г., и Дом просвещения народов Востока (1928 г.). Через эти институты власти старались установить контроль над проживающими в городе и области национальными диаспорами¹². Подобная тенденция отмечается и в сфере развития национальной прессы. В июне 1922 г. был создан Главлит, а затем закрыты все издания, не пропагандирующие достижения большевиков. Причём, как отмечает автор, сами цензоры имели весьма низкий профессиональный уровень (лишь 8 % работников имели дипломы о высшем образовании¹³).

Подробно отслеживая динамику развития национальных школ в городе на Неве, автор подчёркивает, что с 1924 по 1930 г. их число постепенно уменьшалось: количество польских школ сократилось с 9 в 1920 уч. г. до 4 в 1927/28, литовских – с 5 до 1, еврейских – с 5 до 2 и т.д. Подобные тенденции были характерны и для Ленинградской области¹⁴. Однако при этом Б. Гарчик подчёркивает, что в основе этого процесса лежали отнюдь не политические причины. Сокращение числа учебных заведений было вызвано не дискриминацией со стороны власти, а процессом их укрупнения, финансовыми трудностями, демографическими и территориальными изменениями. В период НЭПа учебные заведения были переведены на самофинансирование, что часто приводило к их самоликвидации (лишь в 1924 г. они получили государственные дотации). Доказательством этого, по его мнению, является одновременное сокращение и русских школ.

В целом автор делает вывод, что политика большевиков в сфере культуры, хотя и преследовала определённые идеологические цели, тем не менее способствовала развитию национального самосознания¹⁵.

Второй этап (середина 30-х – 1941 г.), выделенный Б. Гарчиком, характеризовался прекращением мероприятий по коренизации и переходом к централизации и унификации всей культурной жизни. В результате в Ленинграде в течение 1937–1938 гг. были полностью ликвидированы все институциональные и организационные формы социокультурной жизни диаспор (школы, театры, СМИ, культурные центры, просветительские организации). Поскольку Ленинград Сталин считал центром потенциальной оппозиции, то отводил ему особое место в репрессивной политике,

¹¹ *Garczyk B.* Op. cit. S. 99–100.

¹² *Ibid.* S. 133.

¹³ *Ibid.* S. 119.

¹⁴ *Ibid.* S. 111.

¹⁵ *Ibid.* S. 239.

которая в первую очередь коснулась нерусского населения города, особенно немецкого, финского и польского.

Правовым основанием наступления на национальные меньшинства стали постановления высших партийных органов и правительственные приказы, которые анализируются в книге. Монография содержит обширное приложение, где помещены нормативные документы на языке оригинала (в основном оперативные приказы НКВД).

Автор показывает, что национальная политика большевиков привела к изменению этнической структуры города. Так, в 1939 г. по сравнению с 1910 г. доля национальных меньшинств в Ленинграде сократилась с 8 до 3 %, а наиболее значимыми по численности этническими группами стали евреи (6,3 %), украинцы (1,7 %) и татары (1 %) ¹⁶. Автор также напоминает, что после начала Великой Отечественной войны последовала новая волна репрессий против немецкого и финского населения.

Во второй части монографии, как и в первой, содержатся специальные разделы, посвящённые некоторым национальным меньшинствам. На этот раз автор ограничивается лишь тремя из них: немцами, финнами и поляками.

Понятно, почему Б. Гарчик уделяет больше всего внимания польскому населению Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Рассматривая причины притока поляков в столицу Российской империи, он справедливо отмечает, что степень социальной мобильности в Королевстве Польском в XIX – начале XX вв. была значительно ниже, чем на территории России. В силу этого талантливые выходцы из Польши стремились переселиться в крупные города России, в частности в Петербург, где они могли сделать хорошую карьеру в дипломатической, образовательной, военной и других сферах ¹⁷. В 1910 г. поляки составляли 3,4 % населения Петербурга, а их культурная жизнь имела богатые традиции и отличалась разнообразием. Своего максимума численность поляков в Петроградской губернии достигла во время Первой мировой войны (к 1917 г. – 100 тыс. человек). Позднее, в Советской России, значительному сокращению численности польского населения способствовала репатриация, начавшаяся в 1918 г. после признания независимости Польши. Тем не менее в Ленинграде в межвоенный период проживала самая большая в СССР колония поляков. В 20-е гг. поляки имели там не только свои начальные школы, но и детские дома и сады, педагогический техникум, отделение в пединституте им. А. И. Герцена ¹⁸.

Подчёркивая, что польские школы в 20-е гг. закрывались в результате репатриации населения или желания родителей посылать детей в русские школы, а также вследствие объединения учебных заведений, Б. Гарчик вступает в полемику с Н. Ивановым ¹⁹, который пишет об упадке польского образования в Ленинграде и отстаивает общепринятую

¹⁶ *Garczyk B.* Op. cit. S. 26–31.

¹⁷ *Ibid.* S. 47–50.

¹⁸ *Ibid.* S. 166.

¹⁹ Николай Иванов (род. в 1948 г.) – белорусский историк, советский диссидент, ныне профессор Опольского университета (Республика Польша). Исследует проблемы поляков в СССР. См.: *Pierwszy narząd ukarany: Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921-1939*, Warszawa–Wrocław, 1991.

в польской историографии точку зрения о том, что репрессии в СССР были направлены в первую очередь против поляков.

Достоинство работы Б. Гарчика на общем фоне национальной польской историографии заключается не только в том, что он не видит в репрессиях советского государства по отношению к полякам ничего исключительного по сравнению с его политикой в отношении других народов СССР, но и в том, что автор не стремится акцентировать внимание исключительно на репрессиях (а это характерно для польской исторической науки последних двух десятилетий). Подробно исследуя судьбы других этносов, населявших Петербург, прежде всего немцев и финнов, Б. Гарчик убедительно доказывает, что поляки не занимали уникального места в системе национальной, в том числе репрессивной, политики советской власти.

Самостоятельное значение имеет широко представленная в монографии история религиозной жизни Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Анализируя в целом дифференцированную политику большевиков по отношению к протестантам, мусульманам, буддистам и иудеям, автор не случайно уделяет наибольшее внимание католической церкви, поскольку именно поляки составляли абсолютное большинство католиков в СССР. Б. Гарчик и в этом случае не соглашается с коллегами-историками, утверждающими, что католическая церковь была врагом номер один советской власти, хотя и указывает на привилегированное положение ислама в Советском Союзе²⁰. По его мнению, все конфессии в исследуемом регионе понесли огромные потери. Так, из существовавших до 1917 г. 24-х протестантских церквей, 14-и католических костёлов, мечети, синагоги, буддийского храма, а также многочисленных неправославных часовен и молебных домов к 1938 г. остался лишь один религиозный центр – французский костёл Лурдской Божьей Матери.

К недостаткам монографии следует отнести преобладание в ней информационно-справочной составляющей. В работе приводится значительное количество фактов статистического, биографического, документального характера, однако автор фактически уклонился от анализа изучаемых процессов и исследования межнациональных отношений. Не совсем понятно и то, чем обусловлены выбор конкретных тем и внимание к одним этносам за счёт других. Заметны диспропорции в структурировании материала и погрешности редактора.

Вместе с тем монография Б. Гарчика имеет бесспорное научное значение. Автора отличают добросовестность, профессиональное знание города на Неве, его архитектуры, топонимики и истории. Неподдельный интерес к теме исследования, позитивное отношение к Петербургу и его жителям делают книгу интересной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

²⁰ *Garczyk B.* Op. cit. S. 233.